

В ОТ с такого признания Игоря Саруханова началась беседа между популярным автором и исполнителем песен и Акимом Салбиевым, певцом, актером и режиссером, выступающим здесь в качестве журналиста.

— Согласен, что спрашивать о материальных доходах не очень скромно. И все-таки, Игорь, как ты относишься к деньгам?

— Деньги мне помогают жить, приобретать еду, нормально выглядеть. По сей день встречают ведь по одежке. Если более серьезно, то техника для записи фонограмм очень дорого стоит. Мои две гитары: электрическая и акустическая привезены из Америки. К сожалению, в нашей стране ничего нельзя купить, не говоря уже о самолете или яхте.

— А ты хотел бы купить самолет?

— Я бы не хотел зависеть от Аэрофлота, от его касс, потому что очень часто приходится сидеть без билета. Убежден, что самолет не роскошь. Как, впрочем, и автомобиль.

— Ну автомобиль хоть есть у тебя?

— Есть. Но он старый, и его надо менять. Чтобы купить его у спекулянтов, деньги есть, но я таким образом не хочу.

— Как ты думаешь, сколько должен зарабатывать мужчина, чтобы красиво одеть женщину и вообще жить достаточно прилично?

— Это серьезный вопрос. У каждого свои потребности. Но я попытаюсь ответить со своей колокольни. Наверное, сто тысяч в год.

— А в месяц?

— Ну порядка восьми-десяти тысяч.

— Какой процент этой суммы ты получаешь?

— У меня не всегда есть работа. Собранные деньги только на машину — могу тебе показать сберкнижку. И если я куплю завтра машину, то у меня ничего не останется. А мне еще необходимы клавишные инструменты, магнитофон, который, между прочим, стоит десять тысяч. Гитара — пять, клавишные — пятнадцать. Мой отец — кандидат технических наук. Специалист его уровня на Западе получает от 15 до 20 тысяч долларов в месяц. Мама — филолог, с небольшой зарплатой и

любит свинг. У нас в этом стиле никто не работает. Все в основном ищут в стиле рок, хард-рок, диско... В том направлении, в котором работаю я, сейчас у нас почти никто не работает. И, кроме Паулса, я никого назвать не могу.

— А из твоих молодых друзей-коллег?

— Я знаком со многими из наших звезд. Но, честно говоря, не стал бы петь их песен. С большим удовольствием предпочел бы любую песню Паулса. Уверен, если бы маэстро написал для меня, то он написал бы так, чтобы мне было удобно петь.

— Ты не пытался «фирменно» петь?

— Я «снял» многих певцов, особенно Стива Уандера. Единственный певец, которому я пытался подражать.

— Твои песни пишутся на чьи стихи?

— В основном на мои.

— В программе нет чужих песен?

— Есть несколько песен на стихи Ильи Резника, Михаила Танича, Симона Осинашвили.

— Если вдруг по каким-то причинам тебе придется оставить эту работу — чем ты будешь заниматься?

— Не буду ничем заниматься, кроме музыки. Если я не смогу петь, то я буду писать музыку, играть на гитаре.

— Лукавость взгляда у тебя почти на всех фотографиях — это природное?

— Это природное. Меня очень подводят мои глаза — вызывают недоверие. Я это знаю.

— Игорь, ты устаешь?

— Откровенно говоря, да. Весь день не вылезаю из машины, делаю какие-то дела.

— А где ты восстанавливаешь силы?

— На гастролях. Не звонит телефон, только музыка, отдыхаю, высыпаясь, но я там не пишу ничего.

— Что будет с музыкой лет через 5? Каков твой прогноз?

— Вообще прогноз очень печальный. Я думаю, что все идет от отсутствия внутренней культуры. Посмотри хотя бы, что творится на наших дорогах, как водители относятся к пешеходам, друг к другу. Я не знаю, кого сейчас больше среди молодежи — тех, кто числится в институте и хоть что-то соображает, или тех, кто носит цепи и латы, или, может, тех, кто занимается рэком. И в музыке то же самое. Представь себе, что идет

Он хотел бы купить самолет

весьма тяжелой работой. Она теперь заведует библиотекой. Я, глядя на их трудности, предложил им оставить работу и быть на полном моем обеспечении.

— У тебя есть квартира?

— Нет. Квартиру я снимаю.

— Сколько тебе лет?

— 34 года.

— Ты женат?

— Сейчас нет.

— Что ты ценишь больше всего в людях?

— Порядочность.

— А в друзьях?

— Тоже. Часто я получал подзатыльники от своих, как считал, близких друзей. Поэтому сейчас сузил этот круг. Близкие друзья знают все мои слабые стороны.

— Игорь, у тебя был в творчестве тупик?

— Честно говоря, нет. Я довольно редко беру в руки гитару. Мне надо почувствовать потребность, желание писать. Это бывает раз в 2—3 месяца.

— Сколько песен написано тобой?

— Всего около ста пятидесяти.

— Из них, на твой взгляд, сколько по-настоящему удалось?

— 20 или 30 — точно не могу сказать. Многие из них пока не известны. Им надо заняться. Раскручивать.

— Кто помогает тебе в этом?

— Друзья.

— А ТВ, радио, «Мелодия»?

— У меня есть на телевидении друзья — они и помогают, хотя часто здесь все зависит от вкуса редактора.

— Кто поет твои песни, кроме Анне Вески?

— Марио Ляник, Лариса Долина, пел венгр Реже Шелтес — не знаю, как сейчас. В последнее время я никому не даю свои песни.

— Почему?

— Раньше мне хотелось, чтобы мои песни кто-то пел, а теперь нет.

— У тебя возникало желание попасть на какой-нибудь международный конкурс?

— Я был на «Братиславской лире», и впечатление у меня осталось тягостное, потому что я выглядел... ну как из тайги. Объясню, почему. У каждого исполнителя существует свой менеджер. Я же сам для себя был менеджером. А как можно заниматься этим делом, не имея ни знаний, ни денег? Ко мне подходили многие продюсеры, предлагали работать, но я не мог с ними разговаривать, потому что я музыкант, а не экономист, и я не знаю, что можно, а что нельзя.

— А какое музыкальное образование у тебя?

— Музыкальная школа.

— Если быть откровенным, то я хотел бы... завоевать музыкальный мир. Я уже прошел все стадии звездной болезни и нахожусь в том возрасте, когда полностью сознаю, что собой представляю. Хотел бы, чтобы песни мои знал весь мир и чтобы я стал самым богатым человеком — духовно и материально.

— Какова твоя творческая биография?

— В 70-м году — в 6-м классе — была написана первая песня. В 10-м создал ансамбль. Учился один год в институте, параллельно играл в ансамбле другого института, пел все на английском языке. Далее служба в армии — в ансамбле песни и пляски. Первая профессиональная песня была написана в группе «Цветы», где работал три года. Потом создал группу «Круг» — там были написаны песни «Кара-Кум», «Позади крутой поворот». В 84-м году я остался один.

— Как называется команда, с которой ты теперь работаешь?

— Никак — просто мои друзья, которые мне помогают.

— Игорь, определи свой музыкальный имидж.

— Все говорят, что я лирик. Так оно и есть. У меня много лирических песен и очень мало заводных. Обычно мои песни пишутся в каких-то тяжелых, стрессовых ситуациях. Подобные ситуации и влекут за собой создание новых мелодий. Все происходит за короткое время — это всплеск энергии.

— А кто тебе интересен из музыкантов и композиторов сегодня в стране?

— По-прежнему Раймонд Паулс. Он отличный джазмен, я его очень уважаю за это. Правда, не знаю, как теперь у маэстро со временем. Он хорошо знает и

смешанный концерт — рок- и поп-музыки. Когда выступает поп-музыкант, любители рока мешают ему выступать, тогда как в Америке на всех фестивалях, концертах участвуют музыканты всех направлений и стилей, зрители же одинаково принимают всех. Одинаково по-доброму.

— Значит, ничего интересного можно не ждать?

— Нет, почему же, я думаю, что, если поискать, можно найти интересных ребят. Многие музыканты сейчас сидят без работы, потому что не знают, где играть ту музыку, которую они хотят играть. Когда нахлынул «металл», многие музыканты изменили себе только для того, чтобы стать популярными.

— Как ты думаешь, твоя музыка, твои песни — вечны?

— Нет, наверное. Хотя хотелось бы.

— Предположим, тебе надо на хит-параде спеть лучшую свою песню. Какую ты споешь?

— У меня есть песня. Она называется «Арапатская долина», ее бы я, наверное, и спел.

— Где у тебя корни?

— В Армении.

— Чем занимаешься в свободное время?

— Если у меня свободное время, я еду к маме. Я даже не смотрю видео.

— Ты эгоист?

— Как сказал один философ — в каждом человеке есть место, куда сливают помой. Я далеко не ангел. Меня многие не любят за мой характер, я настырный. Люблю добиваться своего, может быть, это и есть эгоизм.

— Ты склонен идти на компромисс?

— Да. Я знаю, что компромисс дает реальные плоды. Хуже всего упереться рогами в стену. Конечно, бывают принципиальные ситуации, но компромиссы, к сожалению, необходимы.

— Во что ты веруешь?

— В Бога. В природу.

— В Бога, который в тебе?

— Да, чаще мы помогаем друг другу потому, что в каждом это есть. Я в церкви успокаиваюсь, очищаюсь. Я верю в летающие тарелки. И мечтаю увидеть их. В силу природы верю и еще в интуицию. В приметы тоже. Я суеверный человек. И благодаря этому многих ошибок не сделал.

— Ты часто врешь в жизни?

— Стараюсь этого не делать. Лучше промолчать.

— В какой степени ты користен?

— Опять о деньгах... Я не могу без них. У мужчины должны быть деньги, чтобы купить букет красивых цветов. Чтобы пригласить гостей. И точка.

Фото Талгата Тайшанова.